

]

Чу И тяжело вздохнул. Он почти наизусть знал, чем торгуют в каждой палатке и лавке на овощном рынке. Ателье, где бабушка часто заказывала одежду, находилось у черного входа, и чтобы добраться туда, нужно было пересечь весь рынок насквозь. Чу И впервые осознал, насколько же огромен этот рынок и как далеко тянется путь от главного входа до заднего. Получив бабушкину вещь, он не стал даже разворачивать сверток, чтобы посмотреть на работу, и тут же бросился обратно — бегом.

Проходя мимо дома Янь Хана, он бросил взгляд в ту сторону, но шторы были задернуты. Янь Хан спит?

Пока он, повернув голову, пытался это разгадать, из ближайшего переулочка выскочил мотоцикл, едва не сбив его с ног. Чу И испуганно отпрянул на пару шагов и только тогда разглядел того, кто был за рулем. Лян Бин.

— Жить надоело? — Лян Бин сверкнул глазами. — Вали с дороги!

Чу И стоял не шелохнувшись, а Лян Бин выжал газ, и мотоцикл сорвался с места.

Чу И не удержался и обернулся. Надо же, Лян Бин был настолько занят, что даже не остановился, чтобы прицепиться к нему. Впрочем, не исключено, что после того случая он просто до смерти боится Дяди Янь и Янь Хана. Чу И усмехнулся, поймав себя на странном чувстве гордости.

— А как же письмо? — Янь Хан смотрел на отца. — Я хочу его видеть.

— Сейчас в нем нет нужды, — ответил отец.

— А когда она будет! — голос Янь Хана внезапно сорвался. — Когда она будет?! Когда ты исчезнешь окончательно?

Отец резко обернулся и посмотрел на него, ничего не ответив.

Янь Хан тоже замолчал. Эта фраза уже несколько дней давила на него, словно гвоздь, который время от времени кто-то вбивал всё глубже. А когда этот гвоздь наконец вырвали, внутри осталась лишь пустота.

Он долго молчал, и когда заговорил снова, голос звучал глухо, будто он не мог найти опору.

— Поехали, — сказал Янь Хан.

— Что? — отец опешил.

— Ты сам сказал: в этот раз решаю я, — произнес Янь Хан. — Я хочу уехать. Сейчас. Немедленно.

Отец открыл рот, но слова застряли в горле.

— Ты обманул меня, — Янь Хан прислонился к стене и криво улыбнулся отцу. — Старик Янь, ты мне солгал.

— Янь Хан, — отец нахмурился, подошел и крепко обнял его, дважды сильно хлопнув по спине. — Не говори так.

— А как мне сказать? — Янь Хан услышал в собственном голосе дрожь.

Ему хотелось плакать. Совершенно неожиданное чувство. За эти годы он пережил столько разных эмоций: тревогу, раздражение, нервозность, беспокойство, страх, подавленность — но почти никогда не хотелось плакать. Слезы — это выход. А он никак не мог найти эту отдушину.

— Как мне сказать, чтобы ты не ушел? — он зажмурил глаза, которые начало жечь.

Отец продолжал тихонько похлопывать его по спине, молча.

— В твоём сердце, — тихо произнес Янь Хан, — я проигрываю мертвому человеку.

Рука отца внезапно замерла. Прошло много времени, прежде чем он разжал объятия.

— Всю свою жизнь, — отец взял его лицо в ладони, — я живу, надрываясь. Я виноват перед твоей мамой, я виноват перед тобой... Но некоторые душевные узлы — это петли, которые затягиваются намертво. Они остаются с тобой до конца, и когда наступает тишина, в мыслях только они.

Янь Хан смотрел на отца и видел в его глазах такую боль, какой никогда раньше не замечал.

— Я знаю, что не должен был обрекать тебя на такую жизнь, правда, не должен, — руки отца дрожали. — Но... я уже счел, что достаточно «свободно» загнал свою жизнь в тупик, из которого нет выхода.

Легкая дрожь отцовских рук перекинулась с плеч прямо в его душу. Он почувствовал, как медленно погружается в оцепенение, словно видел, как солнечный свет в углу комнаты сменяется кадр за кадром, точно так же, как каждый вечер, когда он сидел у окна, глядя на закат.

— Ты не виноват перед моей мамой, — сказал Янь Хан. — Ты виноват только передо мной.

Отец смолк. В комнате воцарилась мертвая тишина, казалось, даже звуки снаружи исчезли. Наконец, отец похлопал его по плечу, крепко сжал его, развернулся и быстро вышел.

Когда хлопнула входная дверь, Янь Хан просто осел на пол.

Когда Чу И принес домой бабушкину одежду, мама как раз набирала номер отца.

— Не берет или сбрасывает? — бабушка взяла вещи, встряхнула их, осматривая. — Все-таки эта мастерская шьет лучше всех. Посмотри, какие стежки, как ровно.

— Сбрасывает! — мама бросила телефон на диван. — Что за манера такая! Ни одного надежного человека во всей семейке!

— Чего ты столбом стоишь! — бабушка покосилась на Чу И. — Не видишь, мать и так на взводе? Иди помоги с ужином, бездельник!

— Я... — тихо начал Чу И, — мне еще надо в школе, по-вторять.

— Повторять она собралась! — бабушка швырнула одежду на журнальный столик. — Отлыниваешь, лентяй!

Чу И промолчал.

— Ладно, ладно, — мама раздраженно махнула рукой. — Я не хочу есть. Через час мне нужно быть на собеседовании, одни нервы. Дед ушел играть в шахматы и не вернулся. Там остались две булочки — доешь их, я больше не буду.

— Булочки! Только и ешьте свои булочки! — бабушка металась по кухне, то роняя, то с грохотом сдвигая вещи. — Мне, к черту, скоро в гроб ложиться, а у вас всё мысли о еде!

Чу И помедлил, развернулся и выскочил за дверь, быстро закрыв ее, но даже это не помогло отгородиться от бабушкиной брани.

Стоило выйти, он сразу достал телефон. Никаких сообщений. Янь Хан так и не ответил.

Прошел почти час после окончания уроков. Янь Хан знал, когда у него заканчиваются занятия, но так и не связался с ним. Чу И не понимал, что происходит, поэтому, продолжая безуспешно звонить, он победил к дому Янь Хана.

Весь день во рту не было ни капли воды, одни перебежки.

Прибежав к двери, он снова позвонил — ответа не было. Чу И постучал:

— Янь Хан?

Тишина. Он постучал еще дважды:

— Дядя? Дядя Янь?

В доме по-прежнему было тихо. Он подошел к окну. Шторы были задернуты, но форточка приоткрыта. Он отодвинул край ткани:

— Янь Хан!

Света в комнате не было. Чу И моргнул, привыкая к полумраку, и увидел Янь Хана, который неподвижно сидел на полу.

— Янь Хан! — Чу И испугался и позвал снова.

Тот не шелохнулся. Чу И перемахнул через подоконник, бросился к нему и схватил за плечо:

— Янь...

Янь Хан внезапно дернулся, перехватил его запястье и резко вывернул.

— А! — вскрикнул Чу И. От резкой боли в руке он был вынужден повалиться на пол рядом.

— Кто здесь? — спросил Янь Хан.

— Чу И, — лежа на полу, он повернул голову. — Янь Хан, это я, Чу И!

Янь Хан разжал пальцы:

— Ты уже из школы пришел?

— Угу, — Чу И поднялся. Состояние Янь Хана было очень странным, и это его пугало. — Что с тобой? Тебе нехорошо?

— Нет, — Янь Хан обхватил голову руками, уткнувшись лицом в колени, голос звучал глухо.

— Я... — Чу И не знал, что сказать. — Ты голоден?

— Принеси мне воды, — сказал Янь Хан.

— Хорошо. — Чу И поспешно вскочил, налил воды и протянул ему.

Янь Хан забрал стакан, залпом осушил его и снова уткнулся головой в колени. Чу И, не зная, куда деть руки, просто сел на корточки рядом.

— Давай закажем еды, — сказал Янь Хан.

— Ага, — отозвался Чу И.

Янь Хан взял телефон и, медленно листая меню, заказал пиццу.

— Может, на диван сядешь? — Чу И слегка коснулся его руки.

— Не хочу двигаться, — ответил тот.

— Понятно.

Чу И взял пустой стакан, сходил за еще одной порцией воды, поставил ее у ног Янь Хана и сел рядом, прислонившись спиной к стене.

Янь Хан долго молчал, не шевелясь, а потом выпрямился, опираясь на стену:

— Я только что... наговорил всякой фигни.

— А? — Чу И опешил, не поняв до конца.

— Ужасной фигни, — повторил Янь Хан.

— Кому? — спросил Чу И.

— Отцу, — ответил он совсем тихо.

Чу И огляделся по сторонам: Дяди Янь дома не было. Судя по словам Янь Хана, они... поссорились?

Чу И с трудом мог себе это представить. Дядя Янь и Янь Хан были самыми понимающими отцом и сыном, каких он когда-либо видел, почти как друзья. И вдруг — ссора?

— А где Дядя Янь? — спросил он.

— Не знаю, — ответил Янь Хан.

Разговор не клеился. Чу И оставалось лишь сидеть рядом в тишине. О чем думал Янь Хан, он угадать не мог, знал лишь одно: его состояние было скверным.